

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ОЛЕСЯ»

Тема любви в той или иной степени затрагивается во многих художественных произведениях А.И. Куприна. Концептуальная составляющая понятия «любовь» переходит из произведения в произведение, но его семантический потенциал варьируется, что объясняется эволюцией философско-эстетических воззрений автора.

В художественном мире произведений А.И. Куприна физические и духовные влечения героев в равной степени рождали ощущение радости жизни, удивительного душевного подъема. В контексте христианского учения наиболее полно для писателя духовное начало проявляется в любви — не чувственной («животной») и по существу эгоистической, а понимаемой как бескорыстное стремление делать ближнему добро, как благоволение к миру, пережитое в детстве каждым человеком. Такая любовь, по А.И. Куприну, представляет собой достойное человека состояние. Эгоистические же, чувственные стремления неизбежно приводят к терзаниям, тогда как духовная любовь способна сами страдания обратить во благо.

Художественным выражением кризисного состояния, в котором оказывается большинство героев произведений А.И. Куприна, становятся сквозные мотивы ухода, мучительного переосмысления пройденного пути, деформации привычной шкалы ценностных ориентиров. С этой точки зрения интересна реализация семантических особенностей доминантной лексики *любовь* в повести А.И. Куприна «Олеся»: *Я, как языческий бог или как молодое, сильное животное, наслаждался светом, теплом, сознательной радостью жизни и спокойной, здоровой, чувственной любовью* [2];

И величественная зеленая прелесть бора, как драгоценная оправа, украшала нашу безмятежную любовь [2];

Она положила обе руки мне на плечи и с невыразимой любовью поглядывала в мои глаза [2].

В «Семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой интересующая нас единица входит в семантическую группу «Разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления». Данный блок включает в себя следующие лексемы: *взаимность, влечение, влюбленность, любовь, нежность, обожание, привязанность, приязнь, симпатия, страсть, увлечение, чувство* [4, с. 246–247].

Согласно семантическому словарю, *взаимность* — чувство взаимного расположения друг к другу, взаимная любовь [4, с. 247]. В повести лексическая единица *взаимность* как потенциал доминанты *любовь* употребляется лишь раз.

Влечение — чувство расположения к кому-н., желание близости [4, с. 246]. Данная лексема не является частотной для текстового пространства повести и реализует семы 'чувство', 'близость':

О, боже мой! Зачем я не послушался тогда смутного влечения сердца, которое — я теперь, безусловно, верю в это! — никогда не ошибается в своих быстрых тайных предчувствиях? [2].

Привязанность — чувство близости, неизменной преданности [4, с. 407]. Компоненты данной семантической единицы — *чувство, близость, потребность* — находят свое отражение в следующем примере:

О любви между нами не было сказано еще ни слова, но быть вместе для нас уже сделалось потребностью, и часто в молчаливые минуты, когда наши взгляды нечаянно и одновременно встречались, я видел, как увлажнялись глаза Олеси и как билась тоненькая голубая жилка у нее на виске... [2].

Любовь в «Семантическом словаре» — это 1) чувство глубокого расположения, самоотверженной привязанности; 2) глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 'Чувство', 'глубокий', 'самоотверженный', 'привязанность', 'эмоции', 'сильный', 'сердечный' — основные семы данного понятия. Частотность данной лексемы в тексте (более 60 употреблений) выявляет все компоненты значения описываемой лексемы, кроме «самоотверженный». Поскольку данный компонент предполагает жертвование «своими интересами ради других, ради общего блага» [3, с. 607], что не соотносится с идеей произведения, то компонент «самоотверженный» не нашел реализации в рамках текста. «Ясно, что это не любовь, а эгоизм», — противительный союз подчеркивает невозможность любви при наличии эгоизма.

Компонент 'сердечный' ('искренний', 'душевный') находит отражение в семантической дескрипции «любовь духовная»:

Но я с самого начала нашего знакомства взял с нею такой серьезный, искренний и простой тон, что она охотно принимала на бесконтрольную веру все мои рассказы [2].

Семантический словарь в качестве примеров употребления лексемы *любовь* приводит словосочетание *брак по любви*. Оно актуально для исследуемого текста, поскольку данная семантическая номинация вводится там, где герои рассуждают о необходимости вступления в брак:

Это ты теперь только так говоришь, Олеся. Почти все девушки тоже самое говорят и все же замуж выходят. Подожди немного: встретишься с кем-нибудь, полюбишь — тогда не только в город, а на край света с ним пойдешь [2];

Мысль жениться на Олесе все чаще и чаще приходила мне в голову. Сначала она лишь изредка представлялась мне как возможный, на крайний случай, честный исход из наших отношений [2].

Рефлексия на тему любви плотской, которая также является неотъемлемой составляющей лексемы *брак*, в контексте повести актуализирует-

ся лексемой, обозначающей состояние страсти в ее диком, грубом проявлении:

Она прижималась ко мне все сильнее, и я чувствовал, как трепетало под моими руками ее сильное, крепкое, горячее тело, как часто билось около моей груди ее сердце. Ее страстные поцелуи вливались в мою еще не окрепшую от болезни голову, как пьяное вино, и я начал терять самообладание [2].

Лексема *любовь* в словаре синонимов русского языка представлена следующим рядом: *привязанность, обожание, страсть, влюбленность, влечение, увлечение, сердечная склонность, (нежное) чувство, эрос, нежная страсть* [1, с. 207]. В повести А.И. Куприна особую значимость приобретают синонимические единицы *любовь, страсть, влечение, чувство*. О важности доминанты *любовь* в контексте произведения свидетельствует ее частотность.

Любовь, согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, имеет следующие значения: 1) глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство; 2) чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности; 3) постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н.; 4) предмет любви (тот или та, кого кто-н. любит, к кому испытывает влечение, расположение); 5) пристрастие, вкус к чему-н.; 6) интимные отношения, интимная связь [3, с. 286]. Все представленные значения реализованы в тексте повести, но семантические взаимоотношения данной лексической единицы в текстовом пространстве порождают новые смысловые сцепления. Лексема *любовь* содержит в себе семантическую оппозицию 'телесное' и 'духовное'.

Настоящая любовь — любовь чистая, возвышенная, всепоглощающая. Такая любовь изображена в повести А.И. Куприна «Олеся». По Куприну, истинная любовь обречена, потому что ей нет места в этом мире, — она всегда будет осуждаться в порочной общественной среде.

В повести «Олеся» препятствием для любви героев явились их социальные различия и предрассудки общества. Олеся — девушка, родившаяся и всю юность проведшая в полесских чащобах, дикая, необразованная, чуждающаяся людей. Местные жители считали её ведьмой, презирали, ненавидели (показателен оказанный ей жестокий приём у церковной ограды). Олеся не отвечала им взаимной ненавистью, она просто опасалась их и предпочитала уединение. Однако к рассказчику она прониклась доверием с первой встречи; их обоюдное влечение стремительно возрастало и постепенно переросло в настоящее чувство.

Рассказчика (Ивана) поразило в ней сочетание естественности, «*лесной души*», и благородства, «*конечно, в лучшем смысле этого довольно пошлого слова*». Олеся никогда не училась, не умела даже читать, однако говорила красноречиво и складно, «*не хуже настоящей барышни*». И главное, что привлекало его в полесской колдунье, это её тяготение к народным традициям, её сильный, волевой характер и свобододолюбивая, чуткая и способная искренне любить душа. Олеся не умела притворство-

вать, поэтому её любовь не могла быть низменным порывом или маской. И герой питал к ней, такой искренней, подлинным чувства: он обрёл в девушке родственную душу, они без слов понимали друг друга. А настоящая любовь, как известно, строится на взаимопонимании.

Олеся любила Ивана самозабвенно, жертвенно. Боясь, что его осудит общество, девушка оставила его, отказалась от своего счастья, предпочтя его счастье. Каждый из героев выбрал благополучие другого. Но их личное счастье оказалось невозможным без взаимной любви. Это подтверждает финал повести: *«Господи! Что же такое случилось?»* — прошептал Иван, *«входя с замиранием сердца в сени»*. Это был апогей несчастья героя.

Любовь соединила их навеки и навеки разлучила: только сильные чувства побудили Олесю покинуть Ивана, а Ивана — позволить ей это. Они не боялись за самих себя, но опасались друг за друга. Олеся ради Ивана отправилась в церковь, осознавая, что её ожидает там опасность. Но она не выдала своих опасений Ивану, чтобы не огорчить его. В сцене их последнего свидания она также не хотела огорчать возлюбленного, разочаровывать его, потому не поворачивалась к нему лицом до тех пор, пока он *«с нежным умилением отнял её голову от подушки»*. Она взывала: *«Не смотри на меня... Прошу тебя... Гадкая я теперь...»* Но Ивана не смутили длинные красные ссадины, избородившие её лоб, щёки и шею, — он принимал её такой, какая она есть, он не отвернулся от неё, израненной, для него она и тогда являлась самой красивой. Он любил её безоговорочно и не отказывался от намерения жениться на ней. Но в жестоком обществе, застенелом в предрассудках, это было невозможно.

Олеся была изгоем общества. Люди считали, что Олеся накликает беду, ворожит, презирали и боялись её, а Иван верил ей. Даже когда она сама принялась уверять его, что обладает колдовской силой, он не сомневался, что она добрая и никому не способна причинить зло, что сила, заключенная в ней, — светлая, а сплетни о ней — суеверный вымысел. Он не мог подозревать Олесю в чём-либо дурном, он доверял ей, а значит, испытывал настоящую любовь, любовь, основанную на вере, надежде и всепрощении.

Олеся тоже готова была простить Ивана в любой ситуации, обвинить себя, но выгородить его (хотя именно из-за Ивана пошла в церковь, но в произошедшем с ней несчастье она винила только себя). Слезы и неумолимую дрожь в сердце у читателя вызывает ответ Олеси на просьбу героя простить его: *«Да что ты!.. Что ты, милый?.. Как тебе не стыдно и думать об этом? Чем же ты виноват здесь? Всё я одна, глупая... Ну, чего я полезла в самом деле? Нет, солнышко, ты себя не виновать...»* [2]. Всю вину и всю ответственность за свершившееся девушка возлагала на себя. И за последующие действия — тоже. Никогда ничего не боявшаяся Олеся вдруг испугалась... за Ивана. Иван неоднократно предлагал Олесе выйти за него замуж, высказывал ей заверения в их дальнейшем, счастливом и совместном, будущем, но девушка боялась подставить его под удар закона и

молвы, бросить тень на его репутацию. А Иван в свою очередь пренебрегал репутацией во имя любви.

Их чувство не принесло им счастья, жертвы во имя друг друга — тоже. Слишком сильно довлело над ними общество. Но побороть их любовь никакие предрассудки не могли. Рассказчик после исчезновения Олеси говорит: *«Стеснённым, переполненным слезами сердцем я хотел уже выйти из хаты, как вдруг моё внимание привлёк яркий предмет, очевидно нарочно повешенный на угол оконной рамы. Это была нитка дешёвых красных бус, известных в Полесье под названием «кораллов», — единственная вещь, которая осталась мне на память об Олесе и её нежной, великодушной любви»* [2]. Эта незабвенная вещица символизировала для Ивана любовь Олеси, которую та даже после расставания стремилась передать ему.

Контекстное употребление лексемы *любовь*, как правило, содержит яркую коннотативную окраску: *большая любовь, чувственная любовь, безмятежная любовь*.

В зависимости от контекста лексема *любовь* актуализирует один из компонентов значения — ‘влечение’ или ‘эмоциональная привязанность’. Следует отметить, что *любовь* является доминантной единицей для синонимического ряда и вбирает в себя всю полноту чувства, эмоций, привязанности, а в конечном итоге разделяет их на духовные и плотские.

Таким образом, семантическое поле «любовь» в повести А.И. Куприна «Олеся» представлено в диалектическом единстве *любви плотской* и *любви духовной*. Компоненты, выделенные для описания ядерной единицы *любовь*, реализуют, как правило, обе стороны ключевого понятия, что подчеркивает его неделимость. Коррелируемые понятия «любовь» и «брак», образующие свои семантические поля, в тексте повести находятся на пересечении другого поля — «семья».

Понятия «душа» и «любовь» для обоих героев повести «Олеся» были неразделимы, поэтому их любовь — чиста и непорочна, возвышенна и искренна, как и души — чистые, светлые. Любовь для них — творение души. Чувство, лишённое недоверия и ревности: *«Ревновал ли ты меня?» — «Никогда, Олеся! Никогда!»* [2]. Как можно было ревновать её, чистую и светлую Олеся?! Слишком возвышенной, сильной и крепкой была их взаимная любовь, чтобы допускать эгоистический инстинкт — ревность. Сама по себе их любовь исключала всё приземлённое, пошлое, банальное; герои любили не для себе, не свою любовь лелеяли, а отдавали души друг другу.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка. — М., 1969.
- 2.Куприн, А.И. Олеся [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/olesya.txt>. — Дата доступа: 14.02.2015.
- 3.Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1990.
- 4.Шведова, Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3. — М., 2003.